

ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ

УДК 130. 2 + 81:1
ББК 71. 0 + 81

Л.Н. Летягин

«ПУТНИК, ДВИЖИМЫЙ ГЛАГОЛОМ»: МОДЕЛИ ПОСТУПАНИЯ МЕЖДУ ЗНАКОМ И СИМВОЛОМ*

Норма поведения обретает реальное значение не в Букве закона, а по отношению к фактам исторической закономерности, культурной событийности. Философия языка раскрывает многие константы национальной картины мира, необходимость сохранения и воспроизведения которых возрастает в условиях современного глобализирующегося социума.

Ключевые слова:

архетип, историческая поступательность, культурная коммуникация, национальная идентичность, норма поведения, поступок, событие, традиция

*Тогда бродили страсти голо
В земле славянского глагола...*

В. Хлебников

...Тогда он понял, что числа десяти заповедей – это тоже глаголы и что, забывая язык, их забывают последними, и они остаются как отзвук, даже тогда, когда сами заповеди уже исчезли из памяти.

М. Павич

Системный кризис образной структуры современного буквенного письма наглядно иллюстрируют противоречия рекламного образа. На фоне визуализации культуры этот тип массового продукта предъявляет свои критерии зрелищности, а графичность родного языка предоставляет в этом плане достаточно терпения и «оперативного простора».

Рекламные практики определяются двумя приоритетными моделями – принципом *вседозволенности (все-делания)* Панурга (вспомним «Главу о том, как Панург положил на обе лопатки англичанина,

диспутировавшего знаками») и оправдательной позицией *все-языкости* Панглоса. Классические персонажи Рабле и Вольтера незримо напутствуют современных PR-технологов в желании удивить, привлечь, остановить внимание. Образная идентификация рекламных объектов оказывается сориентирована при этом на принципиально разные модели смысловоразличения буквенного письма. Так, буква «ъ» сегодня все более явно заявляет о новых знаковых функциях. В таких названиях, как «Коммерсантъ», «Пассажъ», «Ресторанъ», «Банкъ», она выступает критерием «высо-

* Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект № 2.2.2.4/2101 «Методология исследования социокультурных феноменов: научно-методическое обеспечение подготовки научных кадров гуманитарного профиля»).

Публикация включает развернутые тезисы доклада, прочитанного на конференции «Кириллица: От возникновения до наших дней» (Москва, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 6–8 декабря 2007 г.).

кой репутации», «знаком прочности» (основательности, стабильности), подчеркивает ориентированность на прерванную традицию и соответствие старым брендам. Нередко, по точному определению Е. Баратынского, это «своенравное прозвание»

Чуждо точного значенья
Для меня оно – символ...

С другой стороны (вопреки указанной тенденции), на современных петербургских вывесках появляются надписи: «БАРДЕЛЬВИГ», «РЕСТОРАН БАРСУК». Сохранение в них исторической функции буквы «ъ» как раз могло бы оградить от возникающей коммуникативной двусмысленности – устранить намеки на вероятность в указанных заведениях дополнительных услуг или каких-либо иных форм обслуживания.

Нельзя обойти вниманием оксюморность смешения разных систем письма и намеренной «смысловой интеграции» алфавитов. Прежде всего это опыты «Замещения» буквенных знаков, столь частые в современной изопродукции. Немало споров вызывает спонтанность приемов массовой адаптации кириллицы в сети Интернет (не учитывающих нормативный опыт транслитерации, существовавший ранее при отправке международных телеграмм). Трудно прогнозировать, куда «выведет» обозначившаяся перспектива культурных различий. В этом плане особый поучительный смысл приобретают исторические примеры, с оглядкой на которые легче интерпретировать многообразие фактов настоящего.

Профессор русской истории П.Г. Васенко со ссылкой на известного корабельного инженера Н.А. Субботина воспроизводит следующий достопамятный эпизод. «На рейде в Кронштадте стояла эскадра. Случайно рядом с крейсером “Рюрик” находился военный пароход “Ижора”. Жена Александра III, Мария Федоровна, лорнируя суда и смешав русское “Р” с французским “П”, на своем ломаном языке громогласно прочитала – “Пюпик”. “Пожалуйста, не читай громко следующего заглавия”, – поспешно сказал Александр III...» [6, с. 10–11].

В этом контексте для русской императрицы, датской принцессы по рождению, невольное смешение знаков кириллического и латинского алфавитов можно считать естественным и простительным. С психологической точки зрения интересна позиция российского императора, реплика которого имела целью не столько

предупредить возможную «неловкость», сколько акцентировала на ней внимание присутствующих – выступала провоцирующей подсказкой.

Период правления Александра III отличается подчеркнутый знаковый пуризм. Это проявлялось, в частности, в ориентированности на восстановление атрибутов и символов, укорененных в национальной истории. «Так, например, Он установил, чтобы лица Свиты, Им пожалованные, имели на эполетах и погонах вензель Его имени, исполненный славянской вязью, – свидетельствовал Н.А. Епанчин; – Он восстановил древний русский обычай иметь на знаменах Лик Спасителя, а на верху древка восьмиконечный крест...» [11, с. 194]. Не оставалась вне внимания Александра III и частная рекламная инициатива. По свидетельству графа С.Д. Шереметева, «император <...> из окна своего кабинета в Аничковом дворце любил <...> рассматривать проходящих и едущих по Невскому и делал свои замечания. Он следил за переменною вывесок и магазинов и осенью [после возвращения из Ливадии – Л.Л.] всегда сообщал об этих переменах...» [27, с. 485].

Невский проспект – витрина столичной жизни. В оценке известного французского путешественника проф. К. Мармье (1842 г.), «здесь особо проявляется космополитический характер города, более европейского, чем русского: пестрые вывески с надписями на всех языках, французские, немецкие и английские книжные лавки, пять церквей пяти разных конфессий...» [17, с. 93].

Хорошо известно определение А. Дюма, который называл Невский проспект *Rue de tolerance*. Его точку зрения уточняет Т. Готье, побывавший в Петербурге в том же году: «Если Невский проспект красив, то поспешим добавить, что он еще и пользуется своею красотою. <...> Нигде, может быть только еще в Берне, вывеска не выглядит так восхитительно, как здесь...» [8, с. 39]. Однако при всей «космополитичности» и внешней «европейскости» Петербурга обратная сторона его планировочной симметрии всегда сохраняла ощутимый «национальный акцент».

Во второй половине XVIII в., когда Невский проспект превращается в культурный и торговый центр города, здесь почти одновременно возводятся храмы основных христианских конфессий. Град Св. Петра возникает на Невских берегах как столица Христианского мира, и потому закономерно, что его главная «перш-

88 | пектива» мыслилась наглядным примером созидания архитектоники христианского единства.

Петербург – открытый город. Эта устойчивая характеристика городского ландшафта воспринимается законной частью того культурного опыта, который был унаследован новой российской столицей от имперского Рима. Вместе с тем очень важно обратить внимание на символические особенности планировки. Все инославные христианские храмы на главной городской магистрали выстраиваются «одной линией» строго слева, в то время как с правой стороны Невского доминирует православный Казанский собор (этот принцип безупречно воплощен в пространственных и хронологических пределах «Пушкинского Петербурга» – до естественной границы города, которой служила тогда река Фонтанка [15]).

Отмеченный оценочный факт выступает характеристикой мировоззренческого порядка. В системе планировочных решений исторического центра столицы оказались расставлены неслучайные смысловые акценты, так как приоритеты политического и экономического партнерства не могли распространяться на равенство позиций в сфере духовной.

Столь же обманчивым должно было восприниматься многоязычие петербургских вывесок, о котором восторженно пишет Т. Готье: «Возможно, вы не знаете русского языка и форма этих букв, кроме орнаментального своего выражения, не имеет для вас никакого смысла? Но вот рядом вы видите перевод этих надписей на французский или немецкий языки. Вы еще не поняли? Тогда услужливая вывеска, прощая вам незнание этих трех языков, даже предполагая и тот случай, что вы вообще неграмотны, очень наглядно изображает те предметы, которые продаются в магазине. <...> Все это интересно фланирующему путешественнику и обладает особым колоритом...» [8, с. 40]. Знаток петербургского быта М.И. Пыляев приводит показательные «диковинки» и курьезы из «литературы вывесок». В их числе было немало обычных шрифтовых дублетов: «Фершельное заведение. Ferchelnoe Savenidenies», «Рещик печатей, Rectik petchatee», или совсем просто – «Prodaja tabacu i rasnich tovaroff» [23, с. 563]. «Полиграфичность» и «латиноподобие» – не новые способы заявить о своих приоритетах в конкурентных отношениях. На фоне графической соревновательности вывесок более забав-

но мог выглядеть только классический го-голевский пример «магазина с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”...».

В профессиональной оценке изысков рекламы интересна не констатация тенденции, а опыт частных наблюдений: «Недостойное обезьяничанье господствует до сих пор и в столицах, и в провинциальных городах на вывесках. Особенно любят на иностранном языке печатать свои фамилии фотографы и кондитеры...» [24, с. 19, *подстр. прим.*]. Не следует считать эти издержки рекламного продукта исключительно отечественным явлением. Достаточно вспомнить «Краткий критический и анекдотический словарь вывесок Парижа» О. Балзака, чтобы убедиться, что и на них можно было найти аналогичную «смесь французского с нижегородским».

«Ззорно вместо “яти” “есть” писати...» – предупреждает народная мудрость. В устойчивой оценке старообрядцев «гражданская азбука – от антихриста» (В. Даль). В оппозиции охранительных установок и тенденций, ориентированных на «упрощение» языка, построение его «рациональной орфографии», почти не известных до настоящего времени остаются предложения о кардинальной смене принципов национального буквенного письма. Проекты «l'Alphabet international» вдохновлялись различными идеями. Общим для лингвистов-непрофессионалов оказывался «решительный оптимизм», с которым они приступали к изложению своих концептов. Достаточно было освоить несложную авторскую терминологию: «языкостроение», «говорильные звуки», «сложнозвуковые буквы», «предзвук», научиться отличать «сверх-азбучные» и «приазбучные правила», а дальше – к «прорытию всемирного орфографического канала» и «единой универсальной письменности» [3, с. 17]. Курьезные рекомендации не следует во всем воспринимать скептически. Несомненно, что автор цитируемой брошюры вдохновлялся примером И. Шлейера (идеолога VOLAPUKa) [2, с. 3–4], а его первые предложения по реформе языка появились в печати практически одновременно с эсперанто Л. Заменгофа (1887). Многие в характере «лингвистических» построений проясняется местом издания. Воронеж 1880-х – начала 1890-х гг. был своего рода центром изучения искусственных «мировых» языков (см. письмо Л.Н. Толстого к воронежским эсперантистам от 27 апреля 1894 г. Именно на этом социальном фоне возникает идея «всемирного орфографичес-

кого канала»). Неслучайной оказывается и позиция другого автора, его «Predlogenie vseem Ruschim gramotnhim lüdeam» [13], если рассматривать отдельные теоретические изыски в системе общих побудительных мотивов.

Необходимо обратить внимание на то, что рост количества публикаций о реформе языка в рассматриваемый период в немалой степени определялся развитием в обществе революционных настроений. Поляризация мнений по этому вопросу определялась совсем не филологическими причинами. Именно потому столь взвешенной и убедительной представляется позиция В. Чудовского, программная статья которого, открывающая апрельский-майский номер «Аполлона» за 1917 г., появилась на самом переломе событий отечественной истории [26]. Основной смысл размышлений известного художественного критика выражал тезис о невозможности смешения понятий политической охранительности и консерватизма самой культуры. «Преимственность родного языка, предание живого слова – святая святых, последние веков, то, на что мы не смеем посягать, если хотим, чтобы от нас самих хоть что-нибудь осталось...» [26, с. V]. Цитирование этой пафосной мысли в современной орфографии – не уступка ли тем необратимым процессам, которые совсем скоро обозначили коренной отрыв от национального прошлого во всех сферах духовной жизни?

Упрощение в 1917–1918 гг. процедуры языковых коммуникаций сыграло свою роль как исторический соблазн, с очевидной приоритетностью простоты толкования по отношению к выстроенным и выстраданным когда-то культурным смыслам. Самые необратимые потери обозначились в отношении «революционных масс» к художественному наследию, что проявилось в переосмыслении и забвении ценностей предшествующей письменной традиции. Переживаемый сегодня кризис литературного чтения в значительной мере определяется нашей неспособностью освоить собственную классику на ее классическом языке.

Когда-то этой проблеме был посвящен доклад, сделанный Д.С. Лихачевым в кругу студентов-филологов. Предложенная им тогда система аргументации, включающая три основных ракурса проблемы – утилитарный, эстетический и православный, со-

храняет свою актуальность до настоящего времени [16, с. 6–14; 13].

В 1929 г. в специальном органе «Главнаука» началась «проработка» очередного витка реформы языка, связанного с перспективой его «поэтапной» латинизации. На рубеже 1920–1930 гг. обращение к этой «интернациональной» идее приобретает статус культурной политики. Это был показательный опыт «материализации» мысли Платона о том, что боги благодетельствовали бы человечество, даровав ему общий язык. Опубликованная в журнале «Источник» в 1994 г. подборка архивных документов (сегодня они находятся в АП РФ) [21] не способна представить реалии того времени во всей полноте. Масштабная акция предполагала, кроме русского, латинизацию целого ряда других языков – татарского, бурятского и монгольского, узбекского, большинства языков «младодписменных народов» [1; 18; 21; 25]. Споры о реформировании алфавита и норм письма велись и ведутся не «буквы ради». В периодической печати начала 1930-х гг. и нормативных документах «Главнауки» возникает образ «букв-лишенцев» («упраздняются буквы э, и, й, ь...», «мягкий знак упраздняется...»). Данные определения легко включались в формирующийся новояз эпохи: *алфавитное строительство, языковое строительство, идеологически чуждая социалистическому строительству форма графики, графические барьеры, Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита (ВЦКНА)* [21, с. 101, 103]. А в результате... вся плановая деятельность по латинизации оказалась «свернута» одним ответственным волевым решением.

Начертили журавли
В тучах ижицу.
Тучи сели до земли,
К лесу лижутся...

(*Стихи рабкора. Журнал «Красная Новь», 1926, №3*), [7, с. 220].

В контексте размышлений о языковой политике советских лет резонно вспомнить о характерном историческом прецеденте. Как одно из средств решения «польского вопроса» в середине 1840-х гг. возникает «мысль о применении русской азбуки к польскому языку» [19]. К обсуждению идеи были причастны такие видные администраторы николаевской эпохи, как И.Ф. Паскевич-Эриванский, С.С. Уваров, ряд известных академиков-филологов. Причем делалось все, чтобы «не давать этому делу вида политического». Практическим ре-

зультатом работы высочайше учрежденного комитета стало кириллическое издание «Образцов польского языка в прозе и стихах для русских» [10], мотивированное благовидным предлогом преодоления графических трудностей при знакомстве с литературными образцами. (Книга была представлена как проявление частной инициативы, «нисколько не обнаруживая участия в этом деле правительства». Экземпляр этого весьма редкого «экспериментального» издания имеется в собрании РНБ).

Вместе с тем именно «графические барьеры» можно считать одним из условий выражения многообразия культурного опыта. К чему мог привести опыт «латинумудренников» от Наркомпроса легко проиллюстрировать массой реальных и гипотетических примеров (представим выпускника советской трудовой школы, который в год юбилея мировой революции, проходя с экскурсией по улице Стокгольма, на вывеске аптеки натуральных продуктов сходу прочтет на «родной» латинице: «N A T U R A P O T E K E T»). Пренебрежение диакритическими характеристиками национальных алфавитов неизбежно приводит не только к «стечению» комических положений, но и к возможности самых провокационных атрибуций. Для элементарного опознавания «своих» знаков на фоне унифицированного письма приверженцам латинизации можно было бы напомнить практическую рекомендацию их предшественников: «При всеобщем употреблении одних и тех же букв и шрифтов – письмо и печать разных народов могла бы различаться [для того, чтобы знать, на каком языке читаем] только цветом чернил и красок или же особым знаком, выставляемым в начале книги» [2, с. 4].

Смысл знакового письма – в преодолении информационного шума. Сохранение в рукописном или печатном тексте потенциала графических различий выступает условием поддержания самостоятельных традиций, и только в этом случае – возможностям их культурной «конвертации». Каждая буква алфавита обладает как смысловой, так и ценностной атрибутивной функцией, и любые тенденции к унификации графики ведут к обеднению форм культурного диалога. Об этом в статье «Наш язык» писал Вяч. Иванов: «Язык наш запечатлевается в благолепных письменах: измышляют новое, на вид упрощенное, на деле же более затруднительное, – ибо менее отчетливое, как стертая монета, –

правописание, которым нарушается преемственно сложившаяся соразмерность и законченность его начертательных форм, отражающая верным зеркалом его морфологическое строение. Но чувство формы нам претит: разнообразие форм противно началу все изглаживающего равенства. А преемственностью может ли дорожить умонастроение, почитающее единственным мериллом действительной мощи – ненависть, первым условием творчества – разрыв?..» [12, с. 678].

Как свидетельство продолжающейся полемики интересны частные замечания М. А. Гаспарова: «Ять. Говорят, что готовится конференция по восстановлению этой буквы: некоторые считают, что развал культуры пошел от облегченного образования. Может быть, нужна кампания по возрождению (скажем, 50%-ной) неграмотности? С восстановлением юсов большого и малого?..» или «На телеграфе: “А международную в Болгарию тоже латинскими буквами писать?” – “Обязательно”...» [7, с. 304, 220].

Нелишне напомнить, что *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Именно в этом, наверно, заключается культурное назначение УСТАВНОГО письма, смысл которого определяется не только характером графических начертаний. В пределах системы «строгого письма» повышается значимость всех элементов общей структуры – прежде всего буквенных индексов. Такова функция инициалов, когда каждая начальная буква иницирует новое содержательное качество. Как графическая система алфавит представляет собою нечто большее, чем совокупность знаков. Подчеркнутую смысловую напряженность кириллическая тайнопись приобретает в «Алфавите духовном», в духовных стихах и «Азбучных молитвах», в которых каждая «скрипта» мыслится и понимается как «крипта».

Вопрос о символическом основании алфавита не раз привлекал к себе внимание исследователей. Н.Ф. Грамматин один из первых позволил робкую догадку: «Я нашел, что Славенская азбука, кроме простого названия букв, заключает в себе смысл...» [9, с. 113]. Это предположение, потерявшееся в корпусе его обширных авторских комментариев к «Слову о полку Игореве», обратило на себя внимание А. Пушкина. Оправданное недоверие к интерпретации азбуки как панграммы не подменяло, однако, интереса к существу вопроса, о чем, собственно, и свидетельс-

твуют выписки, сделанные поэтом: «Буквы, составляющие славенскую азбуку...» [22, с. 302].

Мир осваивается через букву – в этом непреходящая ценность алфавита, сохраняющего *свой* порядок, соотносимый с порядком и стройностью национального мышления [4; 20]. Именно поэтому азбуку неверно было бы рассматривать как *открытую* систему. Преимущественным аспектом рассмотрения кириллицы была и остается ее просветительская роль. Однако кроме «Традиции Прометея» в истории ее культурного функционирования не менее значимой представляется качественно иная посредническая модель – «Линия Гермеса». (Данная мировоззренческая аппозиция была предложена к обсуждению на конференции «Образование и тайна. Прометей и Гермес: две стратегии», организованной проф. К. С. Пигровым – СПб., ноябрь 2004 г.). Именно в единстве «просветительского» и «герметического» начал раскрывается действительное назначение буквенного письма, его отношение к культурной памяти и «потаенному знанию».

Несмотря на директивное реформирование алфавита из национального подсобования не могла уйти смысловая укорененность азбучного образа. Поддержание исторически сложившегося ценностного континуума оказалось возможным в сфере простых обиходных отношений. «Следование букве» сохраняло метафорический след в системе привычек – «поведенческих азов», предлагая в «свернутом» виде готовые к использованию архетипы поступания, а также речевые образцы их характеристики и вероятной оценки.

От знаковости письма обозначается возможный переход к пониманию знаковости поведенческих моделей. Нет смысла специально останавливаться на содержательном уточнении таких «азбучных» формул, как «держаться фертом», «прописным *азом* ноги расставить», «похерить рукопись», «ижицу прописать» («фита да ижица – к ленивому кнут ближится»), «не лезьте буки поперед аза», «поставить точки над *i*»... Универсальным примером обыгрывания буквенного образа воспринимается пьеса П. Федорова «Аз и Ферг, или Свадьба с вензелями. Шутка-водевиль в 1-м действии» (СПб.: Ф. Стелловский, 1862. 34 с.).

Кириллица выступает универсальным подстрочником повседневности. Дома, поставленные «глаголем» или «покоем» предполагали соответствующие структуры своей внутренней организации. Если

«покой» – это выстраивание пространственного диалога с Универсумом (такова в отечественной культуре традиционная композиция усадебных строений), то «глаголем пространство» возникает как преимущественно городское, столичное, т. е. подчеркнуто коммуникативное. Каждое планировочное решение поддерживалось наличием присущей и свойственной только ему системы обиходных практик. (Опыт предельно индивидуализированного моделирования личного пространства воплотил петербургский купец, увекочивший свою фамилию постройкой дома в виде буквы «Е»).

Наряду с анекдотическим опытом проявления личной инициативы, различными моделями авангардного поведения особый побудительный смысл приобретают формулы, определяющие поступательный вектор истории. Представленный и сохраняющийся в ее памяти в соответствии с логикой и стройностью «азбучного порядка» он предполагает необходимость подключения соответствующих программ своей интерпретации.

Убедительный пример ценностной конвертации культурных значений, их многоуровневого перевода сохраняет надпись на Памятнике Тысячелетию России в Великом Новгороде. На щите Рюрика дата призвания варягов дана не от Рождества Христова, а в летоисчислении от Сотворения мира (6370). Привычное написание цифр–букв, характерное для допетровской Руси, в этом случае приобретает идеографическое значение, смысл которого оказывается больше обычного хронологического указания.

Буквы «зЪло – твердо – онъ» не просто «числятся». На геральдическом щите они слагаются в «утвердительную сумму» скрижальной памяти, а сам смысло-образ акцентирует свои побуждающие качества. Основательность и прочность изначальной идеи российской государственности обретает статус предначертания, в контексте которого столь же монументально оказываются представлены другие персонафицированные моменты отечественного прошлого. Развернутая презентация моделей исторического поступания определяется их целостностью, внутренним единством, предвосхищенностью в пределах заданных семантических границ.

В начальной истории славянства обращает на себя внимание символическое пересечение исторических судеб: 862 г. – основание российской государственнос-

М.О. Микешин. Памятник 1000-летию России (1862), Великий Новгород. Фрагмент центральной части (вид с южной стороны).

ЛѢТА
СТО

М.О. Микешин. Памятник 1000-летию России. Надпись на щите Рюрика

ти, 863 г. – предполагаемая дата создания кириллицы, 864 – крещение Болгарии. Право на общее прошлое не ограничивается возможностью толкования «черт и резов». Любые примеры языкового поведения необходимо рассматривать в широком контексте поведенческих практик. Предложенный пример атрибуции позволяет напомнить об укорененности образа кириллической буквы в славянском мироощущении. Отношение к языку как к культурному наследию формирует «чувство следа», выступает мерой и критерием нашей *последовательности*.

Об этом в эмиграции, оторванный от России, размышлял Иван Бунин. Трагически переживаемое им рассеяние национальных судеб в авторском сознании исправлялось напутствующими и созидательными примерами прошлого: «все-таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все те же самые уставы, ибо снова и снова гремели из мглы и туч омраченных высот все те же страшные, но и утешающие, указующие спасительный путь глаголы...» [5, с. 317]. В первой публикации (Берлин, 1925 г.) цитируемый отрывок имел символическое название «Вечные скрижали».

Послушайте глагол моих...

Несомненно, что языковая идентичность выступает одним из условий формирования идентичности национальной. Культура может развиваться как динамическая система, когда в ней сохраняется потенциал различий. Обращение к истории бытования кириллической азбуки позволяет сделать убедительный вывод, в какой степени изучение языка становится изучением самой культуры. Для каждого исследователя отечественного наследия это еще и риторический вопрос о том, *чем* оказываются связаны в *большом времени* «культура в послании» и культура «до востребования».

Список литературы:

1. Базарова В.В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-1930 гг. / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 238 с.
2. Беляевский А. [П]. Азбука – VOLAPUK // Дон (Воронеж). – 1888. – № 35 (от 24 марта). – С. 3–4.
3. Беляевский А.П. Алфавит из 31-й буквы: Проект установления международной письменности. – Варшава: Тип. Окружного штаба, 1892. – [2], 18 с.
4. Бибахин В.В. Слово и событие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 277 с.
5. Бунин И.А. Воды многие // Бунин И.А. С. с.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. V. – С. 313–337.
6. Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, прославленных театрального мирка, духовных, академиков, профессоров и др. ученых, педагогов, директоров учебных заведений. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 121, [2] с.

7. Гаспаров М.А. Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 415 с.: ил., портр.
8. Готье Т. Путешествие в Россию / [Перев. с фр., комм. и подбор фотоиллюстраций Н.В. Шапошниковой; Пред. А.Д. Михайлова]. – М.: Мысль, 1990. – 396, [2] с.: ил.
9. Грамматин Н.Ф. Слово о полку Игоревом. Историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою, и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального переложения, с историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословною [и Суд Любуши Николая Грамматина]. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 200, 36 с., 1 табл.
10. Дубровский П.П. Образцы польского языка в прозе и стихах для русских, изданные П. Д. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. – [4], XVI, 73 с.
11. Епанчин Н.А. На службе трех императоров: Воспоминания / Ген. от инфантерии Н. А. Епанчин; Коммент. Д. Матлин, И. Иванов]. – М.: Журн. «Наше наследие»: Гос. Фирма «Полиграфресурсы», 1996. – 576 с., [36] л. ил.
12. Иванов Вяч. И. Наш язык // Вяч. И. Иванов С. с.: В 4 т. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. – Т. IV. – С. 673-680.
13. Кадинский К.М. Predlogenie vsem Ruschim gramotnhim lüdeam: [О замене русского алфавита латинским. – [СПб.]: Тип. Имп. Акад. наук, 1862. – 4 с.
14. Канева К. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев о кириллице: «Самая совершенная в мире» // Кириллица и глобализирующийся мир (Материалы круглого стола). – София: [б. и.], 2007. – С. 128–134.
15. Летягин А.Н. Черновики и подстрочники петербургского текста // Жизненный мир поликультурного Петербурга: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л. М. Мосоловой. – СПб.: Астерион, 2003. – Вып. 1. – С. 150–155
16. Лихачев Д.С. Тезисы доклада о старой орфографии // Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. – Тверь: Тверское областное отделение Российского фонда культуры, 1993. – С. 6–14.
17. Мармье К. Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne [Фрагм.] / Перев., подг. публ. Е. Березиной // Всемирное слово. – 2003. – № 16. – С. 93–94.
18. Мударисова А.К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: Автореф. <...> к. ист. н. – Казань, 2001. – 26 с.
19. О предположениях заменить в польском языке латинский алфавит русскою азбукою. – [СПб., 185-?]. – 19 с.
20. Островский А.Б. Алфавит и история: Числовой код космо-этногенеза в книге Бытия // Метафизические исследования: Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. [Сб. статей]. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. – Вып. 8: Религия. – С. 59–88.
21. Проблемы «латинизации русского алфавита» / Публ. В. Денисова // Источник. –1994. – № 5 (12). – С. 99–106.
22. Пушкин А.С. Материалы записных книжек // А. С. Пушкин Сбор. соч.: В 10 т. – М.: Худ. литература, 1976. – Т. VII. – С. 299–303.
23. Пыляев М.И. Старое житие. Замечательные чудачи и оригиналы / [Вст. ст. А.А. Алексеева]. – СПб.: Паритет, 2004. – 654 с.: ил.
24. Фомин Д.Н., Прядкин С. Н. В защиту буквы «ять». – Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1900. – [2], 20 с.
25. Хансуваров И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики. – М.: Партиздат; Тип. изд-ва «Дерэмес», 1932. – 37, [2] с.
26. Чудовский В.А. За букву Ъ // Аполлон. Художественно-литературный журнал. – 1917. – № 4-5 (апрель-май). – С. V–VII, VIII.
27. Шереметев С.Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева / Федеральная архивная служба России, Рос. гос. архив древних актов; Сост., подг. текста и прим. Л. И. Шохина. – М.: Индрик, 2001. – [Т. I]. – 735 с.